

Центр содействия реформе уголовного правосудия

Малыши за решеткой

Москва, 2012

Автор-составитель: *Наталья Дзядко*
Редактор: *Анна Красникова*
Макет и верстка: *Екатерина Абрамкина*
Обложка: *Боб Абрамкин*
Фотографии: *Наталья Дзядко, Елена Гордеева*

Сборник подготовлен при поддержке французской благотворительной организации ACER-Russie в рамках проекта «Дети в тюрьме».

Мальши за решеткой. – М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2012. – 32 с.

В сборник включены материалы, знакомящие читателя с жизнью детей в Домах ребенка при женских колониях в Челябинске и Московской области, приводится свидетельство мамы, имеющей опыт родов в тюрьме, и мнение эксперта. Для привлечения внимания общества к проблемам детей, содержащихся в Домах ребенка при женских колониях, где их матери отбывают наказание.

Малыши за решеткой

Наталья Дзядко,

Член ОНК МО¹, Центр содействия реформе уголовного правосудия².

Система исполнения наказаний – отлаженный механизм, прописаны почти все фазы и связи: вот человек ждет суда в следственном изоляторе, вот суд не принял решение в его пользу, и кассация не помогла, человек отправляется на этап, этапом – к месту отбывания наказания, на зону, а там карантин, распределение по отрядам... И ожидание амнистии, УДО, конца срока...

Мы, сотрудники Центра содействия реформе уголовного правосудия, созданного в 1988 году Валерием Абрамкиным, бывшим политзаключенным, часто бываем в местах лишения свободы, уделяя основное внимание самым незащищенным среди тюремного населения – женщинам, женщинам с детьми, несовершеннолетним.

¹ Общественная наблюдательная комиссия по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания по Московской области

² РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия» <http://www.prison.org/index.shtml/> – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания. Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при горячей поддержке академика Андрея Сахарова, который до последних дней своей жизни (декабрь 1989) активно с ним сотрудничал.

В ноябре 2011 года мы приехали в челябинскую женскую колонию № 5, чтобы встретиться с осужденными девочками, которые прежде отбывали наказание в Новооскольской ВК, а с 19 лет были отправлены для дальнейшего отбывания наказания поближе к родным местам. С этими девочками еще в Новом Осколе была начата работа по социальному сопровождению, теперь она продолжается. Мы беседуем с ними и с сотрудниками колонии, выясняя и уточняя проблемы каждой девушки, обратившейся к нам.

Поскольку челябинская колония – одна из тринадцати женских колоний с Домом ребенка, мы просим разрешения осмотреть Дом ребенка, и с любезного разрешения администрации идем туда.

Как живет Дом ребенка при Челябинской колонии

Сопровождает нас Галина Геннадьевна Пешкова – начальник медицинской службы колонии. Галина Геннадьевна попутно поясняет, что медслужба – это и поликлиника, и стационар с инфекционным отделением, и терапевтическое отделение, и Дом ребенка, и роддом, где рожают осужденные и куда привозят рожать следственно-арестованных из СИЗО (потом родившие возвращаются с новорожденными в изолятор).

В штате медслужбы – заместитель начальника колонии по ЛПП (лечебно-профилактической работе), начальник медчасти, терапевты, гинекологи, хирург, дерматолог, физиатр, инфекционист, невролог, санитарный фельдшер, фельдшера, начальник Дома ребенка, педиатры и медсестры.

Веселого в тюрьме для заключенного мало, даже если ты просто молодой здоровый человек, особо не обремененный заботами о родителях, женах и детях... А если ты мать, да еще и ребенок с тобой, или беременная женщина и вот-вот должна родить - можно только порадоваться, если тебе встретится такой человек, как Галина Геннадьевна.

У нее замечательная профессия - доктор, и сложная специализация – тюремная. Но как говорил Петр Первый, «тюрьма есть ремесло окаянное, и для скорбного дела сего нужны люди добрые, твердые и веселые...» – всем

этим качествам и отвечает Галина Геннадьевна. И коллектив у нее крепкий и дружный не только на работе - могут вместе сходить и на концерт органной музыки, и увлечься Матиссом...

В 2007 году Дом ребенка был отстроен практически заново, и здесь продумано все, даже вид из окна главного врача – на детскую площадку: все дети тут, перед глазами. (А детей много – в ноябре было 97, а может быть до 125.) Энтузиазм Галины Геннадьевны, ее преданность делу и верность детям заражает, а она рассказывает, что не все и не всегда гладко идет, иной раз ни сил, ни нервов не хватает, а придешь сюда, к детям, обнимешь одного-другого – силы появляются... Посмотрите на фотографии детей – они ухоженные и дружелюбные, как в обычном хорошем детском саду.

В Челябинской колонии Дом ребенка – это круглосуточные ясли – так, наверное, можно определить это устройство – ясли, но с постоянным очень серьезным медицинским обслуживанием.

Рожают женщины как в роддоме исправительной колонии, так и в городских профильных роддомах, когда роды тяжелые. Для каждого новорожденного соцработник (их в Доме ребенка двое) собирает документы, идет в ЗАГС, где оформляют свидетельство о рождении. Сразу же ребенок получает медицинский полис, дети прикреплены к соседней поликлинике.

Вот общие планы Дома ребенка.

Вы видите то, что увидели мы – кабинеты, спальни, игровые комнаты, кухни.

А вот подсобка, где хранится одежда впрок: шубы, обувь, разного размера, на все времена года.

Выдают и приданное на освобождение малышам, ведь некоторым очень далеко возвращаться домой, за тысячи километров. Мы идем в группы – спальни, умывальники и раздевалки, гардероб богатый. Галина Геннадьевна открывает нам шкафчики: там все по сезону, теплые куртки, сапоги... Но вот попадаетея «неположенный» паке-тик с печеньицем – не могут мамы удержаться и несут своим детям лакомства.

И на воле мамы стараются побаловать детей, вот только дома, если у ребенка появится аллергия, никто с них не спросит. Здесь же с мамами идет постоянная работа. Дом ребенка издает газету «Карапузик», рассказывает, как любить своего ребенка, как правильно общаться с

ним. В Доме ребенка в игровой комнате педагоги проводят организованные занятия, в них принимают участие и мамы, и дети. Также мамы вместе с детьми устраивают утренники и концерты, вместе смотрят и участвуют в спектаклях кукольного театра – это все помимо обязательных совместных прогулок два раза в день, а кормящие мамы приходят еще и на время кормления.

С детьми с первых дней их жизни в Доме ребенка работают специалисты: педиатры, логопеды, психологи. Днем с малышами постоянно находится воспитатель, ночью – медсестра. Для того чтобы дети нормально развивались предусмотрено все – бассейн, шведская стенка, велосипеды, множество развивающих игр и игрушек. Но самое главное – они рядом с мамой, каждый день с ней видятся, растут на маминых глазах, мамы слышат их первые слова. И не надо быть психологом, чтобы оценить важность и значимость такого общения! В газете «Карапуз» и в стенгазетах каждой группы мамы рассказывают об успехах своих малышей.

Возраст малышей в Доме ребенка – от нескольких дней до трех лет. Кому-то везет, и они вместе с мамой уходят домой. А если ребенку уже исполнилось три года, а маме еще не пора освобождаться, то малыш отправляется в городской детский дом № 6 на улице Шаумяна. Но и тогда контакт сохраняется, с мамой малыш может поговорить по телефону, установлена даже видеосвязь.

В Доме ребенка очень чисто, это мы сами отмечаем, а потом и Галина Геннадьевна обращает наше внимание – очень важно соблюдать чистоту, помогают хорошие препараты, хорошие дезинфицирующие средства. Кстати, нам при входе в Дом ребенка выдали белые накидки, и мы надели голубые бахилы.

Работа в медслужбе колонии предельно непростая по многим причинам. Здесь каждая женская судьба – трагедия, каждого ребенка надо выкормить, вырастить, да так, чтобы он не ощутил тюремного духа. К сожалению, не все дети рождаются здоровыми, серьезные пороки развития устраняют в городской медицинской сети. Случаев отказа до сих пор не было. Дети регулярно проходят профосмотры, анализы делают бесплатно в городской поликлинике – существует договор, по которому лекарства на детей выделяет ФСИН России.

Проблемы дома ребенка

Проблемы есть чисто медицинские, и медицинского обеспечения, и хозяйственные, и социальные, и просто государственные, которые не решены полностью еще ни в одном колонийском Доме ребенка. Челябинский Дом ребенка финансируется за счет средств федерального бюджета, выделяемых ФСИН; регулярно помогают фонды и общественные организации Челябинска, «Материнская обитель», «50 лет ВЛКСМ», программа «Евроокна», «Каритас», «Новая жизнь». Благодаря этой помощи постоянно пополняется запас памперсов, катетеров и другого медицинского оборудования. Дому ребенка очень нужны дидактические материалы, книжки для самых маленьких, развивающие игры – в бюджете системы нет статьи на воспитательные нужды.

В колонии мамы живут в отдельном отряде. Мы понимаем, с какими тяжелыми социальными проблемами приходится иметь дело сотрудникам Дома ребенка, ведь матери - одиночки, разведенные, без гражданства, без прописки... А бывают случаи еще более сложные, и в законодательстве нет рецептов для разрешения некоторых ситуаций. Например, подобных той, что сложилась с осужденными женщинами из Новосибирска и их детьми: пока мать не освободилась и ребенок не передан матери – у него статус «ребенок без попечения», как считают праведы из Новосибирска.

У Дома ребенка нет статуса, он является составной частью медицинской службы колонии — и это не единственная правовая проблема домов ребенка при женской колонии. Дать надежду, что когда-то все будет хорошо.

Дать надежду, что все будет хорошо.

Комментарий мамы, имеющей опыт родов в тюрьме

Мария Ноэль,
участница Движения «Русь сидящая»¹

В феврале этого года журналисты France 5 (французское телевидение) приехали в очередную экспедицию в Россию для съемок документального фильма о российских женщинах и российской системы судопроизводства и исполнения наказаний. Главной героиней фильма стала Ольга Романова, основательница и лидер общественно-го движения «Русь сидящая».

Ольга Романова предложила мне стать одной из героинь фильма. В составе съемочной группы я приехала в Челябинскую «пятерку» – женскую колонию, о которой идет речь в статье Наталии Дзядко – моей теперь коллеги по правозащитной деятельности. Я рассказала о той нашей с французами поездке, и она попросила меня написать комментарий к ее статье о колонии.

Причина моей поездки и причина просьбы Наташи прокомментировать статью именно меня заключается не только в том, что мы² с организацией Русь Сидящая начали большой волонтерский и правозащитный проект «Тюремные дети». А еще потому, что в Челябин-

¹ Общественное движение «Русь сидящая» – неформальное объединение в помощь людям, попавшим в беду, в жернова российской судебной и тюремной машины, жестокой и несправедливой.

² Ольга Романова, Светлана Бахмина.

ской «пятерке» я и мой сын Вадим были до наступления моего условно-досрочного освобождения (УДО). Когда мы «освободились», Вадиму было полных два года и пять месяцев. Поскольку законодательство РФ позволяет маме и ребенку быть «вместе» в условиях несвободы только до достижения ребенком возраста трех лет, у меня не было другого выхода, кроме как стараться освободиться условно-досрочно, что скажем прямо, при тогдашней политике было очень и очень непросто. К этому я стремилась изо всех сил, поскольку отдавать Вадима кому-то из родных я не хотела по принципиальным соображениям.

Дом ребенка, который вы только что увидели на фотографиях, мы с Вадимом видели «живьем», но в том виде, в котором его не увидит теперь уже никто. Буквально за полгода до нашего с сыном освобождения в октябре 2007 года Галина Геннадьевна Пешкова (руководитель медслужбы ИК-5) и руководство медслужбы ГУФСИН по Челябинской области объявили здание Дома ребенка аварийным и переселили наших детей в максимально подготовленное для их проживания здание общежития одного из отрядов. К слову сказать, создать условия тогда, конечно, получилось, но представьте только себе, каких усилий это стоило – сделать ремонт, создать прогулочные площадки, все начинать с нуля... А усилия были объединенными, то есть, усилия администрации и женщин, живущих в колонии. Вы уж извините, но в моих текстах вы никогда не встретите обычных понятийных слов – «осужденные» и «спецконтингент».

И это решение – объявить здание Дома ребенка аварийным послужило толчком к еще одному событию, положившему начало очень и очень радостной практике. В связи с капитальным ремонтом Дома ребенка адми-

нистрация колонии получила указание рекомендовать к условно-досрочному освобождению и освобождению по отсрочке исполнения наказания как можно больше женщин с детьми, у которых появлялась такая возможность. Образно говоря, это было похоже на открытие окна в затхлом душном помещении. А если сказать юридическим языком, женщины с детьми получили законное право воспользоваться законом в его чистом виде, без оглядки на практику применения. Со мной и моим сыном были освобождены условно-досрочно еще десять (!) женщин. И это было невероятно.

В нашу февральскую поездку с французскими журналистами Ольга Горшенина, представитель администрации колонии, рассказала, что и сейчас очень много мам освобождается условно-досрочно, и есть случаи освобождения по отсрочке исполнения наказания. Что ж, это радостно.

Тем не менее, на февраль месяц 2012 года в Доме ребенка «пятерки» было около восьмидесяти детей. К слову, на этот момент всего в российских тюрьмах наших тюремных детей было около семисот. Можно сказать – о, так это же очень мало! Кажется, это мало, но если только вы посчитаете количество таких детей хотя бы за десять лет, вы поймете уровень бедствия. Надо разрывать порочный круг, приводящий к разлуке детей с мамами, к брошенным детям, к детям, получающим жизненный опыт в детских домах, а потом оказывающихся в тюрьмах, воспитательных колониях, на вокзалах и улицах.

То, что описала в своей статье Наталия Дзядко и то, что увидела в Доме ребенка «пятерки» я, почти идеально с точки зрения создания условий для детей, все по принципу «как дома».

Но в публикации Наталии Дзядко нет еще одной очень важной картинки. Коллеги не сфотографировали бывшее так называемое «кефирное помещение» – небольшой домик, в котором полковник Пешкова создала то, что когда-то представлялось мне лично голубой мечтой – Дом для совместного проживания мам с детьми. Поскольку мы до сих пор говорим о совместном проживании мам с детьми в колонии, как об эксперименте, предлагаю оценить уровень бедствия еще раз. В «пятерке» этот вопрос решен – условия для совместного проживания там есть, построены специальные комнаты. Их, правда, всего восемь, но и эти восемь уютных комнаток еще никем не заняты. Почему? Я не берусь объяснять это по разным причинам, это тема отдельной большой статьи. Я лишь констатирую факт. ИК-2 в Явасе, ИК-5 в Челябинске, ИК-5 в Можайске – три колонии, в которых есть нормальная жизнь мамы и ребенка. Три из тринадцати. Около шестидесяти детей из семисот просыпаются и засыпают рядом с маминым лицом и руками. Могут слышать колыбельные и сказку «Колобок», спетые и рассказанные самым правильным голосом – голосом мамы.

Впереди у этих детей может быть нормальный дом (что редко), детский дом (что чаще) и много жизненных испытаний. Идеально, если на их пути окажется много людей, которых будет интересоваться именно их судьба. Каждого из них. Будут ли это социальные работники, или фостерные семьи, готовые взять малыша к себе и воспитывать его до выхода мамы из тюрьмы. Идеально, если на пути этих женщин окажется кто-то, кому интересна и важна их судьба тоже – хотя бы в интересах их детей. Потому что ребенку лучше всего быть с мамой.

В нашем сегодняшнем мире – по крайней мере, том мире, который видим у нас в Руси Сидящей и окружающем ее новом гражданском обществе – такое количество неравнодушных и активнодушных людей, что мы весьма уверенно смотрим в будущее находящихся за решеткой семисот детей. Более или менее уверенно мы смотрим и в будущее их мам, социальной реабилитации которых мы также будем помогать. Дело за малым – добиться совместного проживания во всех тринадцати Домах ребенка. Сократить до минимума количество беременных женщин и женщин с маленькими детьми в СИЗО и колониях (вполне оправданное временем и основанное на наблюдениях требование).

Добиться нормальной социальной реабилитации после освобождения – сегодня освобождающаяся женщина с ребенком получает выходное пособие в размере 850 рублей. Больше ничего – я не шучу. Для нуждающихся нет ни жилья, ни работы, ни временных пособий, ни психологической помощи.

Необходимо дать женщинам, которых провели через унижения и ужас родов в тюрьме, хотя бы какую-нибудь надежду, что когда-то все будет хорошо.

PS

ФКУ ИК-5 Челябинской области, объявившее о создании дома совместного проживания детей с матерями, отбывающими наказание, отдало помещение под проживание женщин, отбывающих наказание в колонии-поселении. Ни одна мать с ребенком, отбывающая наказания в «пятерке» не имеет возможности проживать совместно со своим ребенком.

Эксперт о женщинах с детьми в неволе:

нужно полное переосмысление того подхода,
который сейчас используется¹

Алла Покрас, координатор программ организации Penal Reform International, отвечает на вопросы **Веры Васильевой**, корреспондента портала «Права человека в России».

В уголовно-исполнительной системе России функционирует 46 исправительных колоний для женщин. При 13 из них созданы дома ребенка, в которых содержатся дети, сопровождающие осужденных матерей. По информации ФСИН на 1 марта 2012 года, в неволе живет 775 детей.

Дом ребенка является подразделением исправительного учреждения, при котором он расположен. Деятельность домов ребенка находится под контролем медицинского управления ФСИН России, на региональном уровне – медицинского управления территориального органа ФСИН.

Функционирование домов ребенка в уголовно-исполнительной системе регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом России и приказом Минздравсоцразвития РФ №640, Минюста РФ №190 от 17.10.2005 года «О порядке организации медицинской

¹ <http://www.hro.org/node/13731>

помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу».

– Как дети оказываются за решеткой? До какого возраста они там остаются?

– В приказе Минздравсоцразвития и Минюста сказано, что в Домах ребенка в местах лишения свободы попадают дети, которые родились, когда их мамы были либо в следственном изоляторе, либо в колонии. Если, когда родился ребенок, мама жила на воле, то она не может взять его с собой в камеру. Дети могут находиться с осужденными матерями до трехлетнего возраста. В некоторых случаях, если ребенку исполнилось три года, а маме до выхода на свободу осталось не больше года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в Доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матерью.

– Что происходит с ребенком, если мама продолжает отбывать наказание, а ему уже исполнилось три года?

– Если мама продолжает отбывать наказание, то ребенка может взять его отец, если он, конечно, есть. Но в таких случаях, как правило, детей забирают из колонии гораздо раньше достижения ими трехлетнего возраста. Также взять ребенка могут бабушки, дедушки или другие родственники, оформив опеку. Но это тоже обычно делается раньше, чем ребенку исполнится три года. Чаще всего, если ребенок остается в Доме ребенка до трехлетнего возраста, это означает, что у мамы нет родных, которые готовы ей помочь.

В противном случае, если родственников нет, ребенок попадает в детский дом – как любой другой ребенок,

оставшийся без попечения родителей. И здесь сейчас много сложностей.

Женских колоний у нас мало, они есть не во всех регионах. Колоний с Домами ребенка еще меньше – их всего 13, этого явно недостаточно. То есть, получается, что в одном доме ребенка живут дети из разных регионов. Если в том регионе, в котором находится колония, нет места в детском учреждении на воле, то ребенка отказываются брать. И тогда его пытаются отправить в детское учреждение по месту жительства матери до заключения.

Сейчас родившихся в заключении детей неохотно берут в Дома ребенка на воле. Причина в том, что мамы, освободившись, могут о них и не вспомнить. И тогда этот регион должен будет обеспечивать ребенка жильем. У этих детей, поскольку они родились не у себя дома, не по месту жительства родителей, на самом деле нет никаких прав ни на какое жилье.

Когда ребенок направляется в детское учреждение за пределами колонии, мама после освобождения просто так забрать его не может. Она должна представить справку о том, что у нее есть жилье и место работы. И так бывает, что мама приезжает по месту жительства, чтобы восстановить свое право на жилье, найти работу и так далее, и возвращается за ребенком только через какое-то время. А иногда они не возвращаются.

– Насколько я знаю, важнейшей проблемой Вы считаете раздельное пребывание за решеткой детей и их матерей и придерживаетесь мнения, что они должны жить вместе. Это так?

– Конвенция о правах ребенка прямо указывает, что все

действия, предпринимаемые государством в отношении ребенка, должны отвечать интересам ребенка наилучшим образом. Можно ли считать существующий у нас подход отвечающим интересам ребенка?

В законе сказано, что матери-заключенные могут проводить со своими детьми, живущими в домах ребенка при колонии, все свободное время. Но на практике в этих домах ребенка все устроено так, что мамы туда абсолютно не «вписываются». Обычно осужденные матери приходят к своим детям только раз или, чаще, два раза в день для того, чтобы с ними погулять.

Уже всеми исследованиями доказано, что ребенок в первый год жизни нуждается в человеке, который называется «главное ухаживающее лицо». Говоря простым языком – одни руки. Ребенок должен постоянно получать реакцию на свои проявления – если он заплакал, если он улыбнулся. Его нужно держать на руках, обнимать, кормить. Он должен чувствовать себя защищенным буквально с первого момента своей жизни.

Если же ребенок находится в детском учреждении, то там сегодня одна няня, завтра – другая. И ни в одном детском учреждении ни одна няня не станет сидеть с ребенком, не спуская его с рук. Например, я наблюдала, как происходит кормление в таких ситуациях. Грудной ребенок лежит в кроватке. Няня его на руки не берет, а просовывает бутылку с соской через прутья этой кроватки и так кормит. Вот так они и растут – при том, что матери рядом.

В результате у таких детей не развивается доверие к миру, к людям. Это накладывает отпечаток на всю их дальнейшую жизнь. Очень сложно это преодолеть.

Дети в домах ребенка – как при колониях, так и на свободе – практически не плачут в голос. Я видела: стоят в большом манеже несколько таких детей, личики печальные, и если что-то не так, то они не плачут, а поскуливают. Это ужасно.

Есть еще один момент. Когда ты воспитываешь ребенка, то знаешь, почему он плачет. Ты знаешь, как он плачет, когда заболел, когда просто капризничает, хочет чего-то добиться. Ты разбираешься во всех оттенках поведения своего ребенка. А так получается, что мама выходит из колонии с двух-трехлетним ребенком, которого она почти не знает, не понимает его реакций.

Между тем, нахождение в колонии вместе с ребенком могло бы изменить жизнь мам, у которых своя сложная история, не развиты душевные чувства, не было теплых отношений с родителями, может быть, и родителей не было. Я таких мам видела. Но вместо того, чтобы постараться семьей создать или воссоздать, делается все для того, чтобы обстоятельства были против матери и ребенка.

– Но ведь, наверное, не все осужденные – хорошие матери?

– Часто говорят, что женщины используют рождение ребенка как способ смягчить себе условия отбывания наказания. У беременных, а также у кормящих матерей немного лучше питание. Их не могут отправить в штрафной изолятор.

Плюс к этому, если есть ребенок, то мама может рассчитывать на отсрочку исполнения наказания. У нас есть такая норма в законе – отсрочка наказания до исполнения ребенку 14 лет для осужденных за нетяжкое преступление на срок не более пяти лет. Теперь эта отсрочка, кстати, что

очень хорошо, распространяется и на одиноких отцов. Критики указывают на то, что мать оказывается в неравных условиях по сравнению с остальными осужденными, что она не несет наказания в должной мере.

Конечно, бывают случаи, когда ребенок находится в детском учреждении при колонии, а его мама живет в отряде и к нему даже не заглядывает. При этом до достижения ребенком полутора лет она может, как любая мать на свободе, не работать. Не все эти женщины готовы жить вместе с ребенком. Им становится скучно, им тяжело, они к этому не привыкли и не умеют.

Есть, например, женщины, которые в разговоре со мной говорили: я лучше отсижу два года, чем до 14 лет ребенку буду под надзором. То есть, сознательно не пытались получить отсрочку исполнения приговора, чтобы рожать и растить ребенка на воле. Но таких совсем мало. В общем, мамы бывают разные, и в местах лишения свободы, и среди обычных законопослушных граждан.

Однако в любом случае женщина должна отвечать за своего ребенка, заботиться о нем. Если она этим пренебрегает, то должны вступать в силу абсолютно те же механизмы, которые действуют на воле. Это ограничение или лишение родительских прав. Если мать может причинить ребенку какой-то ущерб, если мать пренебрегает своими обязанностями, то всегда есть механизмы воздействия на нее и на ситуацию.

В колониях существует обязательное образование для заключенных до достижения ими 30 лет. Если у человека нет образования, то его учат. А тут у человека нет навыка общения с ребенком, и ему этот навык не дают, хотя можно было бы. Мне кажется, что это абсурдно.

Может быть, не очень разумно в нашей ситуации говорить о международных нормах. Но во всех международных документах прослеживается идея о том, что заключение, в первую очередь, должно использоваться для исправления (в английском языке принят термин «реформирование»). Не то исправление, которое в виду обычно у нас имеется – сотрудничество с администрацией, а действительно человек должен что-то понять, пересмотреть.

– Говорили ли Вы с самими осужденными женщинами на эти темы? Что они думают о совместном проживании с детьми?

– Безусловно, в основном, женщины хотят жить вместе со своими детьми. Есть дома ребенка, в которых стараются, чтобы мамы и дети как можно больше были вместе. Но это совершенно не то же самое, что возможность вместе с ребенком жить.

– Есть ли в каких-либо российских колониях практический опыт совместного проживания, о котором Вы говорите?

– Еще в 2001-2002 годах мы, Penal Reform International, в доме ребенка при женской колонии №2 в Мордовии организовали совместное проживание мам и детей. Конечно, мы это сделали вместе с администрацией колонии. Таким образом, у меня была возможность общаться с этими мамами и с сотрудниками, наблюдать за жизнью детей в течение нескольких лет от начала и до конца. Первые годы мы туда приезжали чуть ли не раз в месяц, а с одной мамой я общалась еще долго после того, как она освободилась, помогала ей устроиться.

Когда мы организовали совместное проживание, дети стали меньше болеть, лучше развиваться. Все это сразу почувствовали.

Отделение для совместного проживания мам с детьми есть в Доме ребенка при Можайской женской колонии. Насколько я знаю, в доме ребенка при женской колонии в Нижнем Новгороде тоже открыто небольшое отделение для совместного проживания. Правда, сама я его не видела.

– Что отвечают Вам сотрудники других колоний, к которым Вы обращаетесь со своими предложениями?

– Сотрудники в колониях, где есть дома ребенка, не очень приветствуют возможность совместного проживания. Понятно, почему это происходит: потому что если с ребенком что-то случится по вине матери, то ответственность ляжет на сотрудников, они окажутся априори виноватыми.

Для чего нужно создавать громадные дома ребенка на сто с лишним детей? В каждом из них работают несколько врачей, там есть медсестры, сейчас появились социальные работники и психологи. Там должен быть методист, который с детьми хороводы водит. Там должны быть дефектологи, массажисты, и так далее.

А надо сделать маленькие отделения для мам с детьми на 20 человек, где пользоваться возможностями той медицины, которая есть за пределами колонии. Нелогично все это у нас построено со всех точек зрения - и с экономической, и с точки зрения пользы для ребенка, и с точки зрения социальной интеграции матери, со всех сторон. В принципе, нужно полное переосмысление того подхода, который у нас сейчас используется.

Вообще, проблемы защиты прав детей, сопровождающих мам в местах лишения свободы, не ограничиваются

периодом пребывания ребенка в доме ребенка при колонии. Дети находятся с мамами в следственных изоляторах, в колониях-поселениях. И там тоже не все благополучно. Часто женщине с ребенком после освобождения некуда идти, негде получить помощь. Вопросов много. Здесь мы затронули лишь малую часть. Главная проблема, на мой взгляд, заключается в том, что государственные органы, обязанные обеспечивать благополучие детей и защиту их прав, даже не пытаются всесторонне исследовать проблему и выработать такой подход, который действительно защищал бы права детей, находящихся в столь сложной жизненной ситуации.

Будущее Дома ребенка

Наталья Дзядко,

Член ОНК МО¹, Центр содействия реформе уголовного правосудия².

Мы увидели Челябинский Дом ребенка, знаем, как живут детишки в Доме ребенка при Можайской женской колонии, мы видели, что дети окружены лаской, вниманием и заботой. Начальник Можайской колонии Ирина Раимовна Гадаева считает Дом ребенка самым главным подразделением колонии, и когда летом прошлого года одновременно три педиатра оказались в отпусках (родовом, дорожном, послеродовом), она обратилась за помощью и в УФСИН МО, и в областной Минздравсоцразвития, но к величайшему сожалению, помощь оказана не была. Результат трагический, осенью прошлого года – две младенческие смерти.

Дети в Домах ребенка точно такие, как все другие дети. Всего в 13 Домах ребенка в российских колониях одновременно находится почти восемьсот малышей. Много это или мало? Как там обстоят дела? Почему не все дети живут с мамами? И сам Дом, почему он не в ведении Минздрава или Министерства социальной защиты населения как другие Дома ребенка, детские дома-интернаты? «Но кому нужна такая головная боль, легче пойти на уступки, чем взвалить на себя», – говорит Галина Геннадьевна. И этот вопрос касается всех российских Домов ребенка при женских колониях.

Уполномоченный по правам ребенка в РФ Павел Астахов считает, что «дома ребенка в женских колониях –

пережиток советской системы исполнения наказания. Младенец отбывает наказание вместе с матерью. Сегодня необходима реформа системы в отношении женщин с детьми. Дома ребенка надо передавать от колоний муниципалитетам». Но в чем пережиток, он не поясняет. А может быть именно в том, что ребенок с самых первых дней изолирован от матери, только несколько часов в день, за это время он не успевает привыкнуть к маме, а она вполне может отвыкнуть, занятая своими повседневными делами, жизнь по тюремному распорядку забирает ее без остатка...

Пока мы не знаем, как изменится жизнеустройство Дома ребенка при исправительных учреждениях – в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года об этом ничего не сказано, но идет обсуждение законопроекта, который предусматривает изменения в значительной части статей УИК РФ. Этот же документ предполагает и увеличение возраста детей, которых осужденные могут помещать в Дома ребенка при исправительных учреждениях. «Сейчас там могут содержаться дети до трех лет, представители ФСИН России считают, что эту планку можно поднять и до четырех лет»¹

Общественная наблюдательная комиссия по соблюдению прав человека в местах принудительного содержания Московской области 10 февраля 2012 на Круглом столе в Общественной Палате РФ «О состоянии медицинского обеспечения лиц, находящихся в местах принудительного содержания на территории Московской области и предложения членов ОНК по его совершен-

¹ <http://pravo.ru/news/view/70576/>

ствованию» выступила с предложением создать региональные рабочие группы для исследования проблем содержания малолетних детей в Домах ребенка при исправительных учреждениях, в СИЗО, в ИВС или других местах принудительного содержания, где отбывают наказание или содержатся их матери.

Мы считаем необходимым включить в состав таких групп представителей региональных ОНК, представителей детских организаций и учреждений, Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав и представителей органов системы профилактики.

Задачей рабочих групп должна стать выработка рекомендаций по созданию такой системы отношений с женщинами-матерями, попавшими в систему уголовного правосудия, которая бы учитывала интересы детей наилучшим образом.

Мальши за решеткой

Автор-составитель
Наталия Дзядко

Макет и верстка
Екатерина Абрамкина

ДЛЯ БЕСПЛАТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ

РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия»
101000, Москва, Лучников пер., д. 4, комн.7.
Тел.: (495) 621-09-15. Факс: (495) 621-10-24.
e-mail: sodeistvie@prison.org сайт «Тюрьма и воля»: www.prison.org

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Микропринт»
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.